Психическій подборъ [1]).

(Эмпиріомонизмъ въ ученіи о психикѣ.)

В. Примѣненія метода.

(иллюстраціи).

Мы считали излишнимъ навязывать вниманію читателя весь тотъ утомительный путь изслѣдованія, частью индуктивнаго, частью дедуктивнаго, который привелъ насъ къ идеѣ психическаго подбора, какъ всеобщаго метода генетическаго познанія психическихъ явленій. Мы ограничились пока сжатою и схематичною обрисовкою этой идеи. Теперь мы перейдемъ къ ея конкретнымъ примѣненіямъ и намѣтимъ тѣ изъ нихъ, которыя представляются намъ наиболѣе типичными и познавательно-важными. Бо́льшаго нельзя дать въ предѣлахъ статьи, но и этого, мы полагаемъ, будетъ достаточно, чтобы читатель могъ судить о возможномъ общемъ значеніи этой идеи для стремящагося къ монизму познанія.

Здѣсь мы рѣшаемся выйти за предѣлы задачъ старой психологіи, рѣшаемся при помощи усвоеннаго нами метода подвергнуть *объясненію* и *критикѣ* то, что старая психологія только *описывала*. Встрѣчаясь съ людьми, мы находимъ въ нихъ различныя степени полноты и гармоніи психической жизни, отъ геніальности до идіотизма, отъ спокойной уравновѣшенности до дикаго безумія. Самый типъ организаціи оказывается различнымъ: величественный и суровый моноидеизмъ «іудея», изящная и мягкая разносторонность «эллина», сѣрая и дряблая безыдейность «филистера»... Передъ нами проходятъ характеры эмо-

---

[1]) «Вопр. Фил. и Псих.», № 73.

ціональные, интеллектуальные, волевые, люди яснаго и спутаннаго сознанія, вѣчно стремящіеся и неизмѣнно-апатичные, и т. д., и т. д. Съ этими людьми мы сближаемся, сталкиваемся, пытаемся ихъ измѣнить и сами измѣняемся подъ ихъ вліяніемъ; и они къ намъ, и мы къ нимъ примѣняемъ различные методы систематическаго или безсистемнаго воздѣйствія: люди воспитываютъ, развращаютъ, исправляютъ, награждаютъ, наказываютъ, поддерживаютъ, устраняютъ другъ друга. Здѣсь лежитъ область, гдѣ психологическая теорія и практика тѣсно соприкасаются между собою, переходя одна въ другую; здѣсь объясненіе и критика пріобрѣтаютъ особенно большое жизненное значеніе. И вотъ, мы хотимъ, въ настоящей статьѣ—путемъ анализа нѣсколькихъ основныхъ типовъ психики, а впослѣдствіи также—путемъ анализа нѣсколькихъ основныхъ методовъ воздѣйствія человѣка на человѣка, показать, какимъ образомъ идея психическаго подбора можетъ служить надежной основой для объясненія и оцѣнки такихъ типовъ и методовъ.

Намѣченные нами вопросы лежатъ близъ пограничной черты психологіи съ соціальной наукой. Но это еще не соціально-психологическіе вопросы. Пока мы имѣемъ передъ собою одну психику, или двѣ психики въ ихъ взаимодѣйствіи, то хотя несомнѣнно, что сложились онѣ въ соціальной жизни, мы не выходимъ изъ предѣловъ психологіи, если беремъ этотъ соціальный генезисъ только какъ *данное*, а его результаты—только какъ *постоянную* величину въ нашемъ анализѣ. Вопросы соціальной науки начинаются тамъ, гдѣ двѣ психики берутся не только въ ихъ *взаимномъ* отношеніи, но *въ ихъ общемъ отношеніи къ внѣшней природѣ*, въ ихъ сотрудничествѣ. Это уже не входитъ въ нашу задачу.

I.

Въ процессахъ психическаго подбора для анализа очень цѣлесообразно обособить три различныхъ момента—различныхъ, разумѣется, только въ абстракціи и совершенно нераздѣльныхъ въ конкретномъ явленіи: во-1-хъ, тотъ матеріалъ переживаній, который «подлежитъ» психическому подбору; этотъ матеріалъ можно разсматривать со стороны его количества—богатства или бѣдности, со стороны его качественнаго разнообразія или однородности, со стороны интенсивности отдѣльныхъ пережи-

ваній; во-2-хъ,—направленіе психическаго подбора—въ положительную или въ отрицательную сторону, къ сохраненію и усиленію переживаній или къ ихъ ослабленію и устраненію изъ опыта; это направленіе выражается, какъ мы знаемъ, въ аффекціоналѣ—въ окраскѣ удовольствія или страданія, характеризующей различныя переживанія; въ-3-хъ, интенсивность психическаго подбора въ различные его моменты; ея показателемъ служитъ, очевидно, интенсивность того же аффекціонала. Соотношенія этихъ трехъ «сторонъ» психическаго подбора бываютъ очень разнообразны, и соотвѣтственно этому весьма неодинаковы бываютъ *результаты* подбора, тѣ психическія комбинаціи и типы строенія, которыя онъ вырабатываетъ.

Идея психическаго подбора создаетъ возможность нѣкоторыхъ дедуктивныхъ выводовъ относительно характера психическаго развитія при тѣхъ или иныхъ условіяхъ подбора. Само собою разумѣется, что такая дедукція имѣетъ значеніе всегда лишь постольку, поскольку оправдывается самимъ опытомъ, поскольку ея выводы не противорѣчатъ фактамъ, но позволяютъ сгруппировать ихъ съ возможно большей полнотой и гармоничностью. Если дедукція оказывается именно такова, если ея выводы *вѣрны* по отношенію къ опыту или, что то же, *познавательно полезны*, то самая идея психическаго подбора, какъ основа дедукціи, получаетъ надежное и вполнѣ убѣдительное доказательство въ свою пользу.—Имѣя все это въ виду, мы и перейдемъ теперь къ нѣкоторымъ типичнымъ комбинаціямъ условій психическаго подбора.

Пусть передъ нами слѣдующая идеальная комбинація. Сумма переживаній, вступающихъ въ поле психическаго опыта, представляетъ наибольшій возможный для человѣческой психики данной эпохи maximum: громадная масса получаемыхъ «извнѣ» впечатлѣній, въ высшей степени яркихъ и разнообразныхъ, непрерывно расширяетъ поле опыта данной личности, приводя ее въ прямое или косвенное соприкосновеніе со всѣмъ, чѣмъ живетъ ея эпоха. Всѣ эти переживанія не только интенсивны сами по себѣ, но и глубоко задѣваютъ психическую систему въ ея цѣломъ, сильно измѣняютъ ея энергетическое равновѣсіе, словомъ—имѣютъ высокій аффекціоналъ, являются интенсивными «наслажденіями» и интенсивными «страданіями». Та и другая окраска въ общемъ теченіи опыта сохраняютъ, положимъ, при-

близительное равновѣсіе: острыя наслажденія чередуются съ острыми страданіями, періоды счастія смѣняются періодами горя, и наоборотъ.—Резюмируя всѣ эти условія въ терминахъ психическаго подбора, слѣдуетъ сказать: матеріалъ для подбора maximum, интенсивность подбора maximum, направленіе смѣняющееся, безъ особаго перевѣса въ общемъ для той или другой его стороны.

Какая же получается при такихъ условіяхъ картина психическаго развитія?

Быстрая смѣна получаемыхъ отъ внѣшней среды воздѣйствій уже сама по себѣ означаетъ быстро измѣняющееся поле сознанія; но это было бы только хаосомъ жизни, если бы интенсивный психическій подборъ не обусловливалъ еще иныхъ измѣненій этого поля, именно, направленныхъ въ сторону возрастающей организованности опыта. Интенсивный психическій подборъ создаетъ, какъ мы знаемъ, новыя и новыя формы энергетическаго равновѣсія между различными комплексами элементовъ, или, что то же, создаетъ новыя и новыя ассоціативныя связи. Этимъ путемъ—переживанія превращаются въ психическій *опытъ;* но и это выражаетъ пока еще только извѣстный minimum психической организованности. Чтобы выяснить, какъ процессъ развитія идетъ дальше, намъ слѣдуетъ остановиться на обѣихъ различныхъ сторонахъ психическаго подбора въ отдѣльности.

Интенсивное дѣйствіе отрицательнаго подбора аналогично дѣйствію молота, который дробитъ и уничтожаетъ все непрочное и неустойчивое, но «выковываетъ» то, что дѣйствительно прочно, и выдѣляя его изъ всего остального, придаетъ ему чистоту и опредѣленность формъ. Отрицательный подборъ *стремится* разрушить все, что возникаетъ въ полѣ опыта; но тамъ, гдѣ жизнь богата и сильна, тамъ онъ фактически успѣваетъ разрушить только наименѣе «жизненныя», наименѣе устойчивыя комбинаціи. Это, во-1-хъ, тѣ комбинаціи, которыя слабы и блѣдны, которыя неглубоко затрогиваютъ психическую систему, и которыя въ то же время не находятся въ прямой связи съ многократно повторяющимися воздѣйствіями внѣшней среды, воздѣйствіями, способными вновь и вновь вызывать одну и ту же психическую комбинацію; словомъ, это «жизненно не важные» комплексы, наприм. мимолетные продукты фантазіи, вообще—«мелочи» пси-

хическаго опыта. Во-2-хъ, тѣ комбинаціи, которыя «противорѣчивы», «дисгармоничны»: тѣ, которыя слагаются изъ «конкурирующихъ», взаимно-ослабляющихъ другъ друга комплексовъ, особенно—комплексовъ, ассоціированныхъ съ различными волевыми реакціями,—всѣ комбинаціи, имѣющія «эклектическую» окраску, характеръ «компромисса» противоположныхъ жизненныхъ тенденцій.

Въ противоположность этимъ двумъ типамъ, наиболѣе сопротивляются дѣйствію психическаго подбора комбинаціи двухъ противоположныхъ типовъ. Это, во-1-хъ, тѣ комплексы, которые «жизненно важны», т. е. либо съ большой силой врываются въ потокъ психическаго опыта, глубоко нарушая его теченіе, либо находятся въ зависимости отъ многократно повторяющихся внѣшнихъ воздѣйствій, благодаря чему постоянно всплываютъ вновь и вновь; тѣ и другіе можно также обозначить, какъ наиболѣе тѣсно связанные съ «объективнымъ міромъ», который есть «внѣшній» для «субъективнаго» психическаго опыта [1]). Во-2-хъ, тѣ комбинаціи, которыя наиболѣе «гармоничны», въ которыхъ взаимная связь частей наиболѣе прочна, а ихъ взаимное равновѣсіе наиболѣе устойчиво, и тѣ, которыя наиболѣе гармонически ассоціированы съ наибольшимъ количествомъ другихъ устойчивыхъ комплексовъ.—Понятно, что еще большее сопротивленіе отрицательному подбору будетъ проявляться въ томъ случаѣ, если комплексъ или ассоціація соотвѣтствуютъ обѣимъ характеристикамъ, т. е. и жизненно важны по своей связи съ повторяющимися внѣшними вліяніями, и наиболѣе гармоничны по своей организаціи. Слѣдовательно, при достаточномъ количествѣ матеріала въ сферѣ психическаго опыта отрицательный подборъ, если онъ достаточно долго и интенсивно дѣйствуетъ, долженъ доставлять преобладаніе именно такимъ, вдвойнѣ устойчивымъ комбинаціямъ. При этомъ все психическое развитіе человѣка получаетъ двойную окраску: съ одной стороны «реалистическую» (преобладаніе комплексовъ, наиболѣе соотвѣтствующихъ повторяющимся вліяніямъ среды), съ другой—«монистическую» (пре-

---

1) Міръ „внѣшній“, это значитъ, міръ *съ иной закономѣрностью*. И дѣйствительно, какъ мы видѣли, для познанія закономѣрность „объективнаго міра“ не та, что субъективнаго: это закономѣрность соціально-организованнаго опыта, а не опыта индивидуально-организованнаго, это „физическая“ связь явленій, а не „психическая“ ассоціація.

обладаніе гармоничныхъ и гармонически объединенныхъ комплексовъ).

Какія же черты внесетъ въ развитіе психической системы интенсивный положительный подборъ—моменты и періоды «счастія»? Всякое переживаніе, находящееся въ полѣ его дѣйствія, онъ стремится сохранить и усилить; всякую зарождающуюся комбинацію онъ стремится довести до наибольшей полноты и яркости; за каждымъ переживаніемъ онъ стремится немедленно вслѣдъ вызвать въ сознаніе всѣ ассоціированные комплексы, а за ними—всѣ ихъ ассоціаціи, и т. д.; такимъ образомъ онъ постоянно переполняетъ поле сознанія новыми и новыми быстро возникающими переживаніями: потокъ опыта разливается все шире и течетъ все быстрѣе. При этомъ не успѣваютъ исчезнуть изъ поля сознанія одни комплексы, какъ рядомъ съ ними всплываютъ другіе, третьи, все болѣе далеко отъ нихъ отстоящіе въ ассоціативной цѣпи, и раньше никогда съ ними не встрѣчавшіеся въ сознаніи. А встрѣча въ сознаніи двухъ комплексовъ означаетъ ихъ ассоціативное сближеніе, образованіе хотя бы только слабой, но *прямой* ассоціативной связи между ними, которая затѣмъ можетъ развиваться дальше. Такимъ образомъ матеріалъ опыта выступаетъ во всевозможныхъ ассоціативныхъ комбинаціяхъ, всевозможные способы объединенія имѣющихся переживаній находятъ себѣ мѣсто въ психическомъ опытѣ: все сопоставляется, все сравнивается, все служитъ объектомъ для новыхъ и новыхъ группировокъ. Это называется *творческой дѣятельностью фантазіи*. Всякій по опыту знаетъ, какъ широко и роскошно развертывается она въ моменты удовольствія, наслажденія, счастія, и какъ суживается, подавляется въ моменты боли, страданія, горя [1]).

---

[1]) Жизнь, полная страданій, нерѣдко порождаетъ „мечтательность“. Но это вовсе не значитъ, чтобы отрицательный подборъ тоже поощрялъ работу фантазіи; нѣтъ, здѣсь дѣло происходитъ иначе, и легко видѣть, какъ именно. Отрицательный подборъ понемногу устраняетъ изъ сознанія всѣ „непріятные“ образы и комбинаціи и въ данномъ случаѣ ему *удается* устранить ихъ вполнѣ, въ томъ числѣ и тѣ, въ которыхъ выражаются „реальныя“ отношенія психики къ внѣшнему міру. Поле сознанія остается тогда для „пріятныхъ“ образовъ и комбинацій, главный недостатокъ которыхъ тотъ, что они „нереальны“. Но такъ какъ они все-таки „пріятны“, то на сцену и выступаетъ уже положительный подборъ, а съ нимъ и комбинирующая дѣятельность фантазіи, въ данномъ случаѣ, по непрочности своего матеріала и ре-

Въ своемъ полномъ развитіи всякій психическій комплексъ переходитъ въ волевую реакцію, такъ какъ либо заключаетъ ее въ своемъ составѣ, либо съ нею ассоціированъ болѣе или менѣе тѣсно. Положительный подборъ, стремясь довести всякій комплексъ до наибольшей полноты и яркости, тѣмъ самымъ, очевидно, приводитъ къ развитію *активности воли*: интенсивное «счастіе» даетъ силы для дѣятельности.—Этому можетъ сильно препятствовать только вызываемое тѣмъ же положительнымъ подборомъ переполненіе поля сознанія различными образами и волевыми реакціями, при чемъ ни одинъ волевой комплексъ не достигаетъ наибольшей полноты, не «переходитъ въ дѣйствіе» благодаря конкурренціи остальныхъ. Но если въ психикѣ интенсивно дѣйствуетъ и отрицательный подборъ, то это переполненіе легко устраняется, и получаются всѣ условія для развитія активно-волевого типа [1]).

зультатовъ, не заслуживающая названія „творческой“. Такимъ образомъ, пока человѣкъ дѣйствительно *страдаетъ*, онъ не мечтаетъ, и мечтаетъ онъ, пока стимулы страданія вновь не ворвутся властно въ его психику: тогда онъ возвращается къ „мучительной дѣйствительности“ и отрицательному подбору.

[1]) Въ вопросѣ о значеніи страданія и счастія для активной воли факты опыта кажутся безнадежно противорѣчивыми. Страданіе принято считать *мотивомъ* активной воли, и въ то же время извѣстно, что сильное страданіе *подавляетъ* волю. Счастіе „даетъ силы“ для дѣятельности, и въ то же время счастливая жизнь „изнѣживаетъ“, „разслабляетъ“. Съ точки зрѣнія психическаго подбора всѣ эти кажущіяся противорѣчія разъясняются и устраняются. Что долгое и сильное страданіе подавляетъ волю, это понятно само собою: отрицательный подборъ ослабляетъ волевые комплексы и не даетъ имъ перейти въ дѣйствія. Но тамъ, гдѣ дѣйствіе отрицательнаго подбора не такъ сильно, или гдѣ волевой комплексъ обладаетъ особенной интенсивностью, тамъ отрицательный подборъ успѣваетъ только устранить другіе комплексы, конкурирующіе съ даннымъ волевымъ комплексомъ, и мѣшающіе ему перейти въ дѣйствіе, такъ что этотъ переходъ облегчается. Въ большинствѣ же случаевъ дѣло еще проще: то же самое внѣшнее воздѣйствіе, которое „причиняетъ страданіе“, вызываетъ путемъ выработанныхъ предыдущимъ развитіемъ ассоціативныхъ связей и волевую реакцію, направленную къ устраненію этого воздѣйствія: видъ врага не только „непріятенъ“, но и тѣсно ассоціированъ съ реакціями борьбы, и т. п. Наконецъ, тамъ, гдѣ человѣкъ сознательно ставитъ своей цѣлью „прекратить страданіе“ и для этого „дѣйствуетъ“, тамъ играетъ важную роль и положительный подборъ: данная волевая реакція тѣсно ассоціирована съ „пріятнымъ“ представленіемъ объ устраненіи „непріятныхъ“ условій, порождающихъ страданіе. Словомъ, всѣ противорѣчивыя отношенія между страданіемъ и активностью

Общая картина развитія психики при намѣченныхъ нами идеальныхъ условіяхъ оказывается такова. Громадная масса непосредственныхъ переживаній, какъ результатъ разнообразныхъ воздѣйствій среды; всевозможныя комбинаціи психическихъ комплексовъ, вырабатываемыя изъ матеріала этихъ переживаній положительнымъ психическимъ подборомъ; сохраненіе изъ всѣхъ этихъ комбинацій, подъ дѣйствіемъ отрицательнаго подбора, только тѣхъ, которыя наиболѣе устойчивы въ силу своей связи съ наиболѣе повторяющимися вліяніями среды и въ силу своей гармоничности. Получается психическій типъ, характеризуемый *творчествомъ, активностью воли, реализмомъ міровоззрѣнія и монистической его тенденціей.*

Если при этомъ человѣкъ находится въ широкомъ общеніи съ другими людьми, если онъ интенсивно и полно воспринимаетъ ихъ опытъ при посредствѣ ихъ высказываній, то въ матеріалѣ его психики найдутъ себѣ мѣсто всѣ общія и важныя противорѣчія жизненнаго опыта современнаго ему общества, всѣ существенные запросы и потребности его эпохи. Тогда его психическое развитіе, въ силу своей монистической тенденціи, будетъ направлено къ гармоническому примиренію этихъ общихъ противорѣчій, къ удовлетворенію этихъ общихъ запросовъ и потребностей; и разрѣшеніе этихъ задачъ въ данной психикѣ будетъ, съ одной стороны, наиболѣе полнымъ и совершеннымъ, благодаря могучему творчеству и активной волѣ, съ другой стороны наиболѣе надежнымъ и устойчивымъ, благодаря реалистическимъ его основамъ. Передъ нами явится *энциклопедическій геній своего времени* [1]).

Этотъ типъ, какъ «нормальный», мы и сдѣлаемъ исходной точкой нашего дальнѣйшаго анализа. Мы будемъ разсматривать— во что превращается, или лучше, чѣмъ замѣняется этотъ типъ при томъ или иномъ измѣненіи условій психическаго подбора. Насъ не можетъ затруднять то обстоятельство, что въ дѣйствительности, можетъ быть, совсѣмъ не найдется психики, сколько-нибудь соотвѣтствующей этой нормѣ. Данная норма выражаетъ

могутъ быть объяснены при помощи психическаго подбора. (Объ отношеніяхъ „удовольствія“ и активности намъ придется говорить въ дальнѣйшемъ).

[1]) Въ міровой литературѣ типъ этотъ представленъ (приблизительно) Фаустомъ Гёте.

для насъ *прогрессивную тенденцію психическаго развитія* и есть предѣльная абстракція познанія. Съ такими предѣльными абстракціями познаніе необходимо оперируетъ во всѣхъ наукахъ тогда, когда стремится установить *общіе законы* явленій. Задача заключается въ томъ, чтобы отъ предѣльной абстракціи, выражающей идеально-простыя условія, переходить шагъ за шагомъ, вводя одно за другимъ осложняющія условія, къ пониманію конкретной дѣйствительности, какую мы находимъ въ своемъ опытѣ.

II.

Предположимъ, всѣ основныя условія психическаго подбора остаются тѣ же, что въ нашемъ идеальномъ случаѣ, кромѣ только одного: отрицательный психическій подборъ сравнительно ослабленъ, моменты и періоды страданія далеко не соотвѣтствуютъ моментамъ и періодамъ наслажденія, эти послѣдніе рѣшительно преобладаютъ. Передъ нами «счастливчикъ», которому все удается, для котораго радости не покупаются дорогой цѣной, которому внѣшія условія, «среда», гораздо болѣе благопріятны, чѣмъ враждебны. Какой типъ психическаго развитія получится въ этомъ случаѣ?

Общее богатство переживаній должно здѣсь оказаться, съ грубо-количественной стороны, не меньше чѣмъ въ предыдущемъ случаѣ, если даже не больше: сумма первоначальнаго матеріала переживаній, получаемаго изъ внѣшней среды, какъ мы приняли, количественно не измѣнена, а положительный подборъ, дѣйствуя на свободѣ, поддерживаетъ и вновь создаетъ всевозможныя комбинаціи изъ этого матеріала, тогда какъ разрушающая эти комбинаціи дѣятельность отрицательнаго подбора относительно слаба и ограниченна. Но, очевидно, уже съ качественной стороны здѣсь съ самаго начала дается меньше: разнообразіе получаемыхъ извнѣ впечатлѣній менѣе значительно, потому что «непріятныя», отрицательныя воздѣйствія среды слабо представлены въ общей суммѣ впечатлѣній. Базисъ психической жизни все-таки относительно у́же,—но только относительно, по сравненію съ идеальнымъ типомъ.

Творческая, комбинирующая дѣятельность психики—«фантазія», которая зависитъ, какъ мы видѣли, ближайшимъ образомъ отъ положительнаго психическаго подбора, должна развернуться

очень широко, создавать непрерывно массы новыхъ и новыхъ ассоціативныхъ продуктовъ; но ихъ характеръ и жизненное значеніе уже не тѣ. Ихъ развитіе лишь слабо контролируется избирательнымъ дѣйствіемъ отрицательнаго подбора, который разрушаетъ всѣ менѣе устойчивыя комбинаціи, при чемъ болѣе устойчивыя сохраняются и получаютъ тѣмъ большій просторъ для дальнѣйшаго развитія. Здѣсь же сохраняются и такія комбинаціи, которыя не удержались бы въ психикѣ «нормальнаго» типа; здѣсь остается масса и комбинацій «не-реалистическихъ» и комбинацій «не-монистическихъ» (эклектическихъ, дисгармоничныхъ): общая картина психической жизни представляется такой, что «воображеніе» преобладаетъ надъ «критикой», и психическому цѣлому не хватаетъ строгой, гармоничной стройности, въ ней много «блеска» и «разносторонности», но сравнительно мало монистическаго «порядка».

Активность воли здѣсь также получаетъ своеобразный отпечатокъ. Для ея количественнаго развитія положительный подборъ, какъ мы видѣли, въ общемъ благопріятенъ: онъ поддерживаетъ и усиливаетъ множество комбинацій, завершающихся волевыми актами. Но именно потому, что такое завершеніе наступаетъ слишкомъ легко, что нѣтъ достаточнаго избирательнаго контроля надъ волевыми реакціями, какой въ «нормальномъ» случаѣ осуществляется интенсивнымъ отрицательнымъ подборомъ, именно поэтому волевая жизнь получаетъ окраску порывистой безсистемности. Много движенія, много дѣйствій, но переходъ отъ однихъ стремленій и намѣреній къ другимъ совершается сравнительно легко, и въ дѣятельности не замѣчается устойчиваго направленія: она также не достаточно «монистична».

Если перевѣсъ положительнаго подбора надъ отрицательнымъ становится чрезмѣрно великъ, то волевой типъ понижается еще въ большей мѣрѣ. Безконечная масса вновь и вновь возникающихъ непрочныхъ психическихъ комбинацій, развертывающихся въ сознаніи безъ стѣсненія и задержки, постоянно переполняющихъ поле сознанія, приноситъ съ собой такую же массу разнообразныхъ волевыхъ комплексовъ, столь же безпорядочно тѣснящихся въ сознаніи. Понятно, что тогда эти волевые комплексы, именно въ силу своей многочисленности и коренной неустойчивости, не могутъ и не успѣваютъ перейти въ «дѣйствія», а

остаются на стадіи «стремленій», и притомъ недостаточно выработанныхъ, неопредѣленныхъ стремленій, больше легкихъ, расплывающихся «эмоцій», чѣмъ собственно стремленій. Внѣшняя активность оказывается ничтожна: воля «разслаблена», «изнѣжена», дѣятельность замѣнена «мечтательностью», «грезами чувства». Это состояніе воли выражено тѣмъ рѣзче и сильнѣе, что оно возможно вѣдь только при отсутствіи «непріятныхъ» внѣшнихъ воздѣйствій большой силы, которые, глубоко потрясая психическую систему, вызываютъ растрату ея энергіи въ различныхъ направленіяхъ, въ томъ числѣ возбуждаютъ энергичныя волевыя реакціи (физіологически — потоки иннервації). Такимъ образомъ, стимуловъ активной воли гораздо меньше, а выработка полныхъ волевыхъ реакцій невозможна благодаря слишкомъ большому количеству и неустойчивости волевыхъ комплексовъ, заполняющихъ поле психическаго опыта [1]).

Дѣйствіе многихъ наркотическихъ ядовъ, какъ морфій, гашишъ, алкоголь, въ «пріятной» своей фазѣ вызываетъ временно то психическое состояніе, которое при *постоянной* слабости отрицательнаго подбора превращается въ особый типъ психическаго развитія. Дѣйствіе яда устраняетъ всѣ «непріятныя» возбужденія и даетъ полный просторъ положительному подбору; получается быстрая смѣна неустойчивыхъ психическихъ комплексовъ, сопровождаемая сначала нѣкоторой безпорядочной активностью воли въ видѣ проявленій физической подвижности, говорливости и т. д., а затѣмъ—«мечтательнымъ» настроеніемъ и бездѣятельностью. Впрочемъ, дѣйствіе наркотиковъ мѣняется въ зависимости отъ различныхъ условій—но оно именно таково, какъ мы сейчасъ описали, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда оно наиболѣе «пріятно» [2]).

---

1) Такъ объясняется кажущееся противорѣчіе между счастьемъ, какъ источникомъ энергіи для активной воли, и счастіемъ, какъ источникомъ изнѣженности, убивающей активность воли (см. послѣднее примѣчаніе предыдущ. §).

2) Маніакальная экзальтація представляетъ патологическій случай такого крайняго преобладанія въ психикѣ положительнаго подбора, что отрицательный почти исчезаетъ. Вмѣстѣ съ нимъ отступаетъ гармонизирующая тенденція, и получается картина безсвязнаго и безсистемнаго вступленія въ психическое поле все новыхъ и новыхъ переживаній, бурнымъ вихремъ переполняющихъ сознаніе и порождающихъ столь же безсвязную и безсистемную

Итакъ, преобладаніе положительнаго подбора надъ отрицательнымъ вызываетъ отклоненіе отъ «нормальнаго» типа къ новому; этотъ послѣдній характеризуется въ общемъ преобладаніемъ «фантазіи» надъ реалистической тенденціей, благодушнаго эклектизма—надъ монистической, относительной неустойчивостью направленія воли, а въ болѣе рѣзко выраженныхъ случаяхъ—прямо ея слабостью. Это типъ разносторонній, но менѣе глубокій, тотъ типъ, который Гейне обозначилъ какъ «эллинскій». Въ древней Греціи онъ дѣйствительно былъ довольно распространенъ (главнымъ образомъ именно въ эпоху жизненнаго maximum ея культуры и начинающагося упадка). Самъ Гейне — довольно типичный представитель «эллинизма» въ этомъ смыслѣ.

Въ наше время представителями такого «эллинизма» являются по преимуществу «артистическія натуры». Для творчества образовъ, для занятія искусствомъ этотъ типъ наиболѣе благопріятенъ. Но все же и здѣсь крайніе его представители обнаруживаютъ только высокую «даровитость», но не создаютъ ничего жизненно-устойчиваго, соціально-цѣннаго. Чѣмъ въ большей мѣрѣ выступаетъ на сцену отрицательный подборъ—страданія и бѣдствія и тяжелый трудъ наряду съ періодами счастія и наслажденія веселой жизнью,—тѣмъ больше возрастаютъ здѣсь шансы гармоническаго, стройнаго, истинно-художественнаго творчества, и тѣмъ больше условій для жизненной реальности самыхъ образовъ. «Даровитость» смѣняется «талантомъ»; а когда интенсивность отрицательнаго подбора приближается къ соотвѣтствію съ интенсивностью положительнаго, то при громадномъ богатствѣ жизненнаго матеріала возникаютъ условія для выработки *артистическаго генія*. Роль страданія въ развитіи истинно-гармоничнаго творчества слишкомъ хорошо извѣстна и слишком часто подчеркивалась самими великими артистами, особенно поэтами. Страданіе гармонизируетъ психическую жизнь, если она богата и могуча; недаромъ страданіе налагаетъ на лицо сильныхъ людей отпечатокъ особеннаго «благородства», которое выражаетъ собою принципіальное единство въ направленіи воли. Великое

активность въ видѣ массы ненужныхъ движеній, болтовни и т. д. „Пріятное“ самочувствіе бросается въ глаза.

При настоящей „маніи“ дѣло сложнѣе—тамъ уже на почвѣ ненормальнаго теченія психическаго подбора совершается глубокая общая дезорганизація системы.

произведеніе, выстраданное геніальнымъ артистомъ—это жизненно-стройное, монистически-идеализированное воплощеніе того бурнаго потока переживаній, который безпорядочно и неудержимо проносился въ сознаніи артиста, пока гармонизирующая сила страданія не измѣнила его формы и направленія сообразно *своимъ* законамъ. Это законы сильной жизни, которая не боится тяжелыхъ ударовъ, которая побѣждаетъ боль, которая самую смерть дѣлаетъ для себя средствомъ. Эти законы — тотъ высшій реализмъ, который называютъ «объективностью» творчества, и то высшее единство переживаемаго, которому поклоняются подъ именемъ гармоніи и красоты.

Такъ разрушительная сила жизни превращается въ творческую—тамъ, гдѣ жизнь ее преодолѣваетъ.

III.

Разсмотримъ теперь другой типъ уклоненій отъ нашей «нормы»: при томъ же основномъ богатствѣ психической жизни преобладаніе *отрицательнаго* подбора,—разнообразіе воспріятій, «глубокая впечатлительность» — и много, очень много страданій, гораздо больше, чѣмъ наслажденія и счастія. Въ нашемъ мірѣ, полномъ борьбы и противорѣчій, такое сочетаніе условій встрѣчается гораздо чаще, чѣмъ обратный случай, только что разсмотрѣнный нами; и однако чистый типъ, соотвѣтствующій этому случаю, встрѣчается рѣже. Почему такъ—объяснить очень нетрудно.

Страданіе—разрушительная сила: въ немъ выражается пониженіе энергіи системы, уменьшеніе жизни; это—частичная смерть. Поэтому систематическій перевѣсъ страданія надъ удовольствіемъ повидимому, долженъ всегда вести къ упадку системы, къ ея деградаціи, а затѣмъ гибели. Это такъ бы и было, если бы *всѣ* измѣненія психической системы протекали въ сферѣ сознанія; тогда непосредственный психическій опытъ прямо указывалъ бы человѣку, въ какую сторону направляется его жизненный процессъ, въ сторону развитія или разрушенія. Но сознаніе соотвѣтствуетъ только *главной* координаціи измѣненій психики; а въ нее входятъ далеко не всѣ «непосредственныя переживанія», и даже не большая ихъ часть. Какъ мы выясняли, за предѣлами психическаго опыта, въ жизненной связи съ главной координа-

ціей существуетъ масса другихъ, болѣе мелкихъ группировокъ, въ которыхъ и протекаетъ наибольшая часть непосредственныхъ переживаній данной системы. За сознаніемъ скрывается «безсознательное», точнѣе — «внѣсознательное», потому что форма организаціи этихъ группировокъ та же, именно ассоціативная, и если онѣ не «сознаются», то по той же причинѣ, по которой человѣкъ не можетъ непосредственно «сознавать» переживаній другого человѣка — по причинѣ относительной самостоятельности этихъ группировокъ [1]). Такимъ образомъ, психическій организмъ гораздо шире, чѣмъ область сознанія, — «переживается» гораздо больше, чѣмъ «сознается».

Очевидно, что «за предѣлами сознанія» можетъ происходить накопленіе энергіи въ то самое время, какъ въ сферѣ сознанія — ея растрата; и тогда, несмотря на то, что въ сознаніи преобладаетъ окраска отрицательнаго подбора—страданіе,—психика въ цѣломъ можетъ не приходить въ упадокъ, а развиваться, и даже не только качественно—въ смыслѣ стройности и единства, но и количественно—въ смыслѣ богатства содержанія. Тогда и получится тотъ типъ психическаго развитія, о которомъ мы будемъ сейчасъ говорить. Но естественно, что такъ бываетъ далеко не всегда, и даже скорѣе лишь въ меньшинствѣ случаевъ. Гораздо чаще растрата жизни, происходящая въ сферѣ сознанія, не вознаграждается ея стихійнымъ ростомъ за его предѣлами; и страданія истощаютъ психику, ведутъ ее къ деградаціи — жизнь разбивается.

Пусть передъ нами могучая натура, полная стихійныхъ силъ жизни, способная развиваться сквозь массу страданій, вновь и вновь почерпающая изъ темной глубины внѣсознательнаго ту энергію, которую уносятъ отъ нея жестокія воздѣйствія «внѣшняго міра». Тяжелый молотъ страданія дробитъ и уничтожаетъ все, что есть въ этой психикѣ слабаго, непрочнаго, мелкаго. Въ какую же форму она тогда выковывается?

Въ «идеальной» психикѣ, судьба которой одинаково полна счастія и горя, наслажденій и боли, — страданія приносятъ съ собой двойную тенденцію жизни, реалистическую и монистическую: разбивая все неустойчивое и дисгармоничное, они не въ

---

[1]) Попытку „объясненія“ этой жизненной самостоятельности я далъ въ статьѣ „Universum“ сборникъ „Эмпиріомонизмъ“, Москва, 1904 г.

силахъ подорвать ни тѣхъ жизненныхъ комбинацій, которыя имѣютъ опору въ повторяющихся вліяніяхъ среды, ни тѣхъ, которыя, будучи сами по себѣ гармонически-цѣлостны, въ то же время гармонически сплетаются со множествомъ другихъ, прочныхъ и устойчивыхъ комбинацій. Но получится ли то же самое при измѣненныхъ условіяхъ—когда жизнь даетъ гораздо больше страданій, когда могучую психику систематически преслѣдуетъ судьба?

Злая судьба—это внѣшнія силы, это среда, это «реальность». Реалистическіе образы, прочность которыхъ зависитъ отъ ихъ «реальной» основы—повторяющихся воздѣйствій среды,—окрашиваются въ громадномъ большинствѣ интенсивно-мрачнымъ цвѣтомъ: *противъ нихъ* направляется отрицательный подборъ гораздо интенсивнѣе, чѣмъ при болѣе «справедливой» судьбѣ; и онъ подрываетъ ихъ жизненное значеніе въ общей системѣ психики. Они не устраняются: *этого* отрицательный подборъ, вообще говоря, сдѣлать не въ силахъ, разъ дѣло идетъ о такихъ образахъ, въ которыхъ отражаются вновь и вновь повторяющіяся вліянія среды; но они *блѣднѣютъ*, и не въ нихъ концентрируется жизнь сознанія. Наибольшую роль въ психическомъ творчествѣ играютъ тѣ немногіе «реалистическіе» комплексы, которые окрашиваются не отрицательнымъ, а положительнымъ аффекціоналомъ (намеки самой жизни на счастіе), и еще больше—тѣ производныя отъ «реальныхъ» комбинацій, которыя сами не «реальны», т е. *не имѣютъ себѣ прямой опоры во внѣшней средѣ*, но постоянно сопровождаются положительнымъ аффекціоналомъ (идеальныя картины счастія). Это налагаетъ на все развитіе психики тотъ своеобразный отпечатокъ, который характеризуется словомъ «утопизмъ». Утопизмъ есть отнюдь не простая «мечтательность» и не простое «фантазированіе»: мечтатель и фантастъ отличаются богатствомъ и неустойчивостью возникающихъ психическихъ комбинацій, при чемъ у перваго онѣ болѣе блѣдны, у второго—болѣе ярки; у «утописта» продукты творчества немногочисленны, но очень устойчивы, потому что преобладаніе отрицательнаго подбора не допускаетъ «легкой игры фантазіи», и разрушаетъ наибольшую часть ея результатовъ.

Такимъ образомъ, крайнее преобладаніе отрицательнаго подбора порождаетъ не реалистическую, а до извѣстной степени противоположную ей, *утопическую* тенденцію въ развитіи психики.

Зато *монистическая* тенденція бываетъ при этомъ выражена въ полной мѣрѣ. Разрушительное дѣйствіе отрицательнаго подбора могутъ выдержать только тѣсно сплоченныя, стройныя, чуждыя всякихъ внутреннихъ противорѣчій комбинаціи; всякія дисгармоничныя связи и отношенія устраняются, и психическое цѣлое выступаетъ, въ результатѣ такого развитія, какъ строго цѣлостная система [1]). Все психическое содержаніе послѣдовательно группируется въ одномъ направленіи, все тѣсно связывается и охватывается одною могучей идеей, на которой концентрируется вся энергія жизни.

Активность воли при этомъ не можетъ быть экстенсивною— отрицательный подборъ не допускаетъ развиться множеству разнообразныхъ волевыхъ импульсовъ; но за то она отличается большой интенсивностью и неуклонной послѣдовательностью, строгимъ единствомъ направленія. Единство это вытекаетъ изъ той же «монистичности» строенія психическаго организма, при которой волевыя реакціи, связанныя съ основными, тѣсно объединенными между собою группами переживаній, не встрѣчаютъ себѣ никакой конкуренціи со стороны иныхъ реакцій, такъ какъ тѣ быстро подавляются отрицательнымъ подборомъ; интенсивность же волевой жизни зависитъ частью отъ этого же единства, отъ слабости конкуренціи между волевыми комплексами, частью отъ большой энергіи переживаній данной психики вообще: сильныя страданія означаютъ энергичныя, во всякомъ случаѣ, воздѣйствія среды, глубокія потрясенія психической системы, а стало быть и интенсивныя отвѣтныя воздѣйствія на эту самую среду, большую растрату энергіи на волевые импульсы...

Итакъ, вотъ основныя черты этого третьяго типа психическаго развитія: *утопизмъ*, строгая *послѣдовательность* мышленія и воли, неуклонная *активность* въ жизненной борьбѣ. Это типъ «іудея», какимъ его рисуетъ Гейне. Дѣйствительно, среди еврейской расы, съ ея поразительной жизнеспособностью и мучительной

---

[1]) Въ сферѣ познанія ассоціаціи по сходству (формы обобщенія) въ общемъ, какъ мы видѣли, *болѣе* основаны на гармоніи объединяемыхъ переживаній, чѣмъ ассоціаціи по различію (формы различенія), въ которыхъ играетъ извѣстную роль *конкурренція* переживаній. И характерно, что въ разсматриваемомъ нами психическомъ типѣ первый типъ ассоціацій рѣшительно преобладаетъ надъ вторымъ: *общему* въ явленіяхъ придается наибольшее значеніе, *различія* сравнительно слабо воспринимаются.

исторической судьбой, этотъ типъ встрѣчается чаще, чѣмъ гдѣ-либо; это типъ ветхозавѣтныхъ пророковъ, а также позднѣйшихъ узкихъ и суровыхъ учителей и вождей этого племени. Но и среди другихъ нашій къ этому типу принадлежали многіе изъ великихъ борцовъ за идею, сильныхъ своей непреклонной послѣдовательностью. Одинъ изъ самыхъ чистыхъ и законченныхъ его представителей—это нашъ протопопъ Аввакумъ. Его ужасная біографія ставитъ передъ нами загадку о томъ, какъ изъ непрерывной цѣпи невѣроятныхъ страданій возникаетъ гигантская сила желѣзной воли, абсолютно неспособной себѣ измѣнить ни при какихъ условіяхъ. Наша точка зрѣнія разъясняетъ эту загадку—загадку жизни всѣхъ великихъ аскетовъ и пламенныхъ фанатиковъ одной идеи.

Трудно сказать, кто больше далъ для развитія и силы человѣчества, свѣтлые ли, жизнерадостные «эллины», представители переливающейся черезъ край полноты жизни, или суровые моноидеисты «іудеи», представители той принципіальной гармоніи жизни, которая выражается въ ея стихійной цѣльности, во всепобѣждающей *вѣрности себѣ* [1]).

IV.

Всѣ три до сихъ поръ разсмотрѣнные нами типа психическаго развитія представляютъ изъ себя *предѣльныя величины* въ томъ смыслѣ, что предполагаютъ наибольшій и по количеству и по разнообразію матеріалъ переживаній, какой только исторически возможенъ, а также равномѣрно или неравномѣрно, но всегда *съ наибольшей интенсивностью* дѣйствующій психическій подборъ. Теперь намъ слѣдуетъ перейти къ болѣе, такъ сказать, обыденнымъ типамъ психическаго развитія, къ типамъ, относящимъ дальше отъ maximum жизни сознанія.

Итакъ, пусть у насъ остается только одно изъ двухъ условій maximum, именно, наибольшая возможная интенсивность психическаго подбора—человѣкъ глубоко и сильно «чувствуетъ» все, что переживаетъ. Матеріалъ же опыта количественно ниже maximum — здѣсь можно представить рядъ нисходящихъ ступеней общей величины этого матеріала; качественно онъ, поло-

---

1) Въ литературѣ этотъ типъ всего ярче представленъ „Брандомъ“ Ибсена.

жимъ, какъ въ прежнихъ примѣрахъ разнообразенъ и разностороненъ, захватывая всѣ области непосредственнаго чувственнаго опыта и опыта косвеннаго, переданнаго въ соціальномъ общеніи; впечатлѣнія разнообразны, и не только разнообразны, но также интенсивны: цвѣта, тона, запахи и т. д. воспринимаются ясно и выступаютъ ярко въ сознаніи; только богатство впечатлѣній не такъ велико, какъ въ «идеальныхъ» случаяхъ. Тогда интенсивный психическій подборъ создаетъ рядъ типовъ, весьма аналогичныхъ тремъ предыдущимъ, можно сказать—имъ параллельныхъ, но лежащихъ въ иной, ниже проходящей плоскости. Это типы болѣе «простые».

Психическое творчество, организующее данный матеріалъ переживаній, здѣсь въ силу большей узости своего базиса не можетъ простираться ни такъ широко, ни такъ далеко, какъ въ высшихъ типахъ. Представитель гармонически-уравновѣшенной дѣятельности психическаго подбора не явится здѣсь великимъ монистическимъ организаторомъ всеобщаго опыта своей эпохи, потому что психика его не охватываетъ этого опыта; но всѣ основныя тенденціи «нормальнаго» типа найдутъ въ этой психикѣ полное выраженіе. Это будетъ реалистъ съ яснымъ взглядомъ на жизнь, человѣкъ легко и свободно подводящій итоги своему опыту и умѣющій сдѣлать изъ него жизненно-вѣрные выводы; человѣкъ, активная воля котораго разумно и послѣдовательно воздѣйствуетъ на внѣшній міръ, въ полномъ соотвѣтствіи съ тѣми взглядами, которые онъ для себя выработалъ самъ или усвоилъ отъ другихъ. Если это образованный, развитой человѣкъ, то онъ можетъ оказаться талантливымъ и мужественнымъ, но всегда чуждымъ односторонности и узости борцомъ за идею, которую онъ принялъ, какъ руководящій принципъ своей жизни; или же онъ проявитъ себя только неизмѣнной корректностью и благородствомъ въ отношеніяхъ къ другимъ людямъ, съ которыми столкнетъ его жизнь: англійскіе романисты часто рисуютъ такой типъ «современнаго джентльмена». Если сумма его развитія, по обстоятельствамъ жизни, окажется невысока, то это будетъ одинъ изъ тѣхъ «простыхъ» людей, которые поражаютъ насъ внутренней гармоніей своего психическаго склада, философски яснымъ и твердымъ отношеніемъ къ жизни. Такіе люди, близкіе къ массамъ по условіямъ жизни и матеріалу опыта, въ критическіе моменты исторіи нерѣдко ока-

зываются «героями» и увлекаютъ за собою «толпу», которая въ нихъ находитъ ближайшихъ и наиболѣе непосредственныхъ выразителей своихъ потребностей и стремленій, которая невольно довѣряетъ здоровой и сильной логикѣ ихъ словъ и дѣйствій. Мнѣ кажется, что напр. Георгъ Вашингтонъ—человѣкъ отнюдь не «генія»—принадлежалъ именно къ этому типу людей; таковы же, мнѣ кажется, Гладстонъ, Авраамъ Линкольнъ... Въ наше время всего больше представителей этого типа можно найти среди англо-саксонской расы; въ древнемъ мірѣ ихъ было много среди вождей римскаго народа—до эпохи его упадка.

Благородный типъ гейневскаго «эллина» гораздо больше теряетъ въ своей красотѣ и величіи, какъ только первичный матеріалъ его психической жизни удаляется отъ maximum. Блескъ живого, огненнаго творчества исчезаетъ; свѣтлая, жизнерадостная игра фантазіи теряетъ то широкое жизненное значеніе, какое имѣетъ она тогда, когда въ основѣ ея лежитъ максимальный опытъ, общечеловѣческій по своему содержанію. Утрачивая широту и глубину, эта игра фантазіи становится «поверхностной» и «легкомысленной»; ея типическую форму представляетъ въ этомъ случаѣ такъ называемое «остроуміе» свѣтскихъ разговоровъ и пріятельскихъ бесѣдъ между благодушными алкоголиками. Эклектизмъ здѣсь въ общемъ еще значительнѣе, чѣмъ у представителей благородно-эллинскаго типа, потому что опытъ менѣе широкій и полный уже самъ по себѣ болѣе разрозненъ и прерывистъ по содержанію, такъ что труднѣе поддается организующей тенденціи, даже когда она болѣе сильна, чѣмъ въ данномъ рядѣ случаевъ. Объ опредѣленномъ и устойчивомъ направленіи воли, разумѣется, не можетъ быть и рѣчи. Здѣсь люди живутъ «минутой», и постоянны, обыкновенно, только въ измѣнчивости. Степени проявленія всѣхъ этихъ тенденцій зависятъ, конечно, отъ того, въ какой мѣрѣ положительный подборъ преобладаетъ надъ отрицательнымъ; а большее или меньшее богатство первичнаго содержанія, даваемаго внѣшними впечатлѣніями, обусловливаетъ различные оттѣнки этого типа, отъ артистическихъ натуръ (съ дилеттантскимъ оттѣнкомъ вслѣдствіе слабости творчества) до банальныхъ бонвивановъ (обыкновенно, съ развратнымъ оттѣнкомъ, въ родѣ «золотой молодежи»).

Представителей подобнаго типа всего больше бываетъ среди паразитическихъ классовъ общества, въ началѣ ихъ вырожденія,

и понятно почему. Паразитизмъ обезпечиваетъ богатство пріятныхъ впечатлѣній, но суживаетъ сферу жизни вообще, исключая изъ нея полезный трудъ и общеніе съ другими классами, живущими болѣе активной и полной жизнью. Такимъ образомъ, для эллинскаго типа психика оказывается слишкомъ бѣдна; она слишкомъ мелко-жизнерадостна. Но и такой она остается только на раннихъ ступеняхъ вырожденія: дальше, съ пониженіемъ общей энергіи психики, всѣ переживанія становятся все менѣе глубоки, психическій подборъ, и положительный и отрицательный, все болѣе слабымъ; совершается переходъ къ еще низшему типу, о которомъ намъ придется еще говорить въ дальнѣйшемъ.

Теперь, во что же превращается благородный «іудейскій» типъ, когда при той же глубинѣ и силѣ аффекціональной жизни у него отнимается широкій базисъ громаднаго богатства первичныхъ переживаній? Получается тоже «іудей», но гораздо болѣе узкій, ограниченный, консервативный. Организующая тенденція имѣетъ здѣсь для себя слишкомъ мало матеріала, и матеріалъ относительно разрозненный, такъ что самостоятельно создать стройную монистическую систему здѣсь она, вообще говоря, не можетъ; но въ общеніи съ другими людьми представители даннаго типа нерѣдко находятъ готовыя, достаточно гармонирующія съ ихъ личнымъ опытомъ системы, и тогда усваиваютъ эти системы въ высшей степени глубоко и надежно. Это бываютъ фанатики принятой догмы, неудержимо послѣдовательные въ своемъ фанатизмѣ, безпощадные къ себѣ и другимъ,—прекрасныя орудія въ рукахъ организаторовъ—людей высшихъ типовъ.

Католическая церковь въ своихъ монастыряхъ систематически подготовляла такія орудія, планомѣрно создавая всѣ условія для выработки даннаго типа: стѣны монастыря служили средствомъ сузить область опыта, матеріалъ первичныхъ переживаній; посты, послушанія, наказанія и всякое «умерщвленіе плоти» гарантировали преобладаніе отрицательнаго подбора надъ положительнымъ. Оставалось дать мрачную, но цѣльную догму—и тупые изувѣры были готовы, и инквизиціи было изъ чего выбирать. Въ еврейской націи распространенность этого типа вытекаетъ изъ историческихъ судебъ еврейскаго народа: обособленіе отъ окружающей христіанской среды обусловливало относительную узость опыта, а всевозможныя притѣсненія и преслѣдованія со стороны

этой же среды--относительный перевѣсъ страданій и горя надъ радостями жизни [1]).

Разсмотрѣнная нами вторая группа типовъ, какъ мы уже указывали, параллельна первой; это какъ бы уменьшенныя и недоразвитыя варіаціи отъ первой группы. Та относительная узость опыта, которая обусловливаетъ это «уменьшеніе» и «недоразвитіе», можетъ, конечно, зависѣть иногда отъ такъ наз. «органическихъ причинъ», каковы, напр., наслѣдственное несовершенство органовъ воспріятія, наслѣдственно полученные инстинкты или очень рано развившіяся привычки, направленныя къ суженію и ограниченію сферы воспринимаемаго и т. д. Но гораздо чаще все зависитъ отъ непосредственной среды, именно «технической» и «соціальной». Мыслимо ли, чтобы изъ крестьянскаго ребенка развился какой-нибудь высшій типъ психической жизни, когда весь матеріалъ его опыта ограничивается нѣсколькими квадратными верстами пространства, и традиціоннымъ сплошнымъ мышленіемъ окружающихъ? И сколько возможныхъ зародышей высшей жизни губитъ фатальная узость и бѣдность женскаго воспитанія? Тутъ человѣчеству есть съ чѣмъ бороться, тутъ ему предстоятъ великія побѣды.

V.

Переходимъ къ дальнѣйшимъ варіаціямъ въ характерѣ и направленіи психическаго развитія. Пусть интенсивность психиче-

---

1) Психоневрозъ „меланхолія" представляетъ крайній случай преобладанія отрицательнаго подбора при крайне бѣдномъ содержаніи переживаемаго. Страшно интенсивный отрицательный подборъ устраняетъ изъ сознанія или до крайности ослабляетъ всѣ переживанія, кромѣ тѣхъ, которыя вновь и вновь вызываются внѣшними для сознанія органическими причинами (судорожное состояніе сосудодвигательной системы). Эти мучительныя переживанія заполняютъ поле сознанія и влекутъ за собой свои ассоціаціи, легко понять—какія. Вѣдь раньше тѣ же состоянія сосудодвигательной системы выступали при тягостныхъ эмоціяхъ—тоски, страха, стыда—въ связи съ соотвѣтственными образами чего-нибудь печальнаго, ужаснаго, позорнаго. Вотъ эти образы и вступаютъ въ сознаніе безъ конкурренціи и налагаютъ свою печать на высказыванья меланхолика (грусть, презрѣніе къ себѣ, самоотрицаніе). Активность въ общемъ чрезвычайно подавлена, только иногда мучительная эмоція вызываетъ такую сильную волевую реакцію, что ея не въ силахъ подавить отрицательный подборъ, и она бываетъ тогда неудержима (raptus mel.).

скаго подбора не maximum, какъ во всѣхъ предыдущихъ случаяхъ, а иная, меньшая величина: аффекціональная жизнь менѣе глубока, переживанія не такъ сильно затрогиваютъ психику, и радости и страданія сознаются менѣе живо и энергично. Это—болѣе «обыденныя» натуры, съ болѣе «блѣднымъ» существованіемъ.

Изъ числа логически мыслимыхъ комбинацій здѣсь можно заранѣе исключить всѣ тѣ, которыя включаютъ maximum первичныхъ, непосредственныхъ переживаній—наибольшее возможное богатство «впечатлѣній». Такія комбинаціи жизненно-невозможны, изъ нихъ не можетъ получиться особыхъ типовъ психическаго развитія. Maximum переживаній только тогда получаетъ сколько-нибудь организованную, цѣльную форму, когда организующій процессъ—психическій подборъ—совершается съ большой интенсивностью, максимальной или близкой къ maximum; иначе получится нѣчто неорганизованное, противорѣчивое, своего рода психическій хаосъ, который, конечно, не есть вообще какой-либо типъ психическаго развитія, потому что не есть органически-жизнеспособное цѣлое. Такимъ образомъ дѣло сводится къ тѣмъ варіаціямъ, которыя отклоняются отъ maximum не только по интенсивности психическаго подбора, но и по суммѣ матеріала переживаній.

Итакъ, относительно небогатый, но, какъ мы пока принимаемъ, разнообразный и разносторонній матеріалъ опыта, и относительно невысокій аффекціоналъ переживаній. Нѣкоторыя отрицательныя характеристики, вытекающія изъ этихъ условій, очевидны сразу, сами собой: это отсутствіе живого творчества фантазіи и сильной, неуклонной воли; первое, какъ мы видѣли, предполагаетъ интенсивный положительный, а второе—интенсивный отрицательный подборъ, которыхъ здѣсь не имѣется. Далѣе, психическое развитіе вообще здѣсь можетъ совершаться только медленно и вяло, потому что факторы этого развитія слабы; психика въ цѣломъ консервативна, но это не значитъ, чтобы входящіе въ нее комплексы и комбинаціи отличались прочностью. Въ психикахъ высшихъ типовъ прочность психическихъ формъ зависитъ, главнымъ образомъ, отъ широты и неразрывности ихъ ассоціативныхъ связей съ другими сложившимися психическими формами, а затѣмъ уже, въ меньшей мѣрѣ, отъ *прямой* и *непосредственной* связи съ повторяющимися воздѣй-

ствіями среды [1]). Здѣсь же дѣло обстоитъ иначе. Ассоціативныя связи создаются психическимъ подборомъ; и тамъ, гдѣ онъ относительно слабъ, онѣ ограничиваются въ своемъ развитіи, не достигаютъ ни большой широты, ни особенной устойчивости. Поэтому большинство наиболѣе прочныхъ психическихъ комплексовъ въ подобной психикѣ бываетъ обязано своей прочностью не ассоціативнымъ связямъ, а именно повторяющимся воздѣйствіямъ среды; это устойчивость, выработанная суммированіемъ результатовъ слабаго психическаго подбора въ длинномъ рядѣ извнѣ обусловленныхъ повтореній комплекса, это устойчивость *привычки*. Преобладающая роль привычныхъ психическихъ образовъ и актовъ—основная характеристика даннаго типа развитія.

Слабость положительнаго подбора и творчества фантазіи въ связи съ особеннымъ значеніемъ для такой психики прямыхъ и ближайшихъ вліяній среды обусловливаетъ *мелкій реализмъ*; а слабость отрицательнаго подбора и разрушающей критики въ связи съ узостью и неполнотой опыта вообще—*мелкій утопизмъ*: пошлая трезвенность и множество невысокихъ иллюзій, узкій практицизмъ и теоретическая наивность какъ нельзя лучше уживаются между собою.

Монистическая тенденція здѣсь не только имѣетъ для себя неблагопріятный матеріалъ въ видѣ недостаточнаго, неполнаго и потому сравнительно разрозненнаго опыта,—но и помимо того проявляется въ ослабленной степени, такъ какъ она всецѣло—результатъ психическаго подбора. Такимъ образомъ, *эклектизмъ* выступаетъ въ самыхъ очевидныхъ и наивныхъ формахъ: голова филистера, по словамъ Гейне, заключаетъ въ себѣ множество отдѣльныхъ ящичковъ, не сообщающихся между собою и содержащихъ въ себѣ каждый особую отрасль познавательныхъ матеріаловъ и практическихъ нормъ; каждый ящичекъ по мѣрѣ надобности отпирается, а затѣмъ снова запирается, и отпирается

---

[1]) *Въ конечномъ счетѣ, всякая* психическая форма является жизненно прочной именно постольку, поскольку находится въ гармоническомъ соотвѣтствіи съ наиболѣе повторяющимися вліяніями среды (см. въ „Критикѣ чистаго опыта“ Авенаріуса главы о „Multiponiblen“). Но эта гармоническая связь въ психикѣ высшаго типа можетъ быть *косвенной*, и она всегда такова именно для высшихъ, монистически-организующихъ формъ (широкія обобщенія, напр.).

уже другой; нравственность такого филистера лежитъ совершенно отдѣльно отъ тѣхъ дѣловыхъ правилъ, которыми онъ руководится въ торговлѣ, семейныя добродѣтели отдѣльно отъ развратныхъ стремленій и привычекъ, теорія отдѣльно отъ практики и т. д. [1]). Эту характерную безсвязность психической структуры особенно легко наблюдать, слушая оживленный разговоръ женщинъ мѣщанскаго типа: быстро переходя отъ одного предмета къ другому, онѣ ежеминутно мѣняютъ свои предпосылки, явно себѣ противорѣча и совершенно не замѣчая этого.

Въ зависимости отъ того, какая сторона психическаго подбора преобладаетъ, положительная или отрицательная, и насколько, получаются также различные оттѣнки филистерскаго типа, болѣе оживленный, въ которомъ безхарактерность достигаетъ высшей степени, и болѣе суровый, съ оттѣнкомъ тупого упрямства—каррикатурныя параллели къ «эллину» и «іудею». Но вообще типъ этотъ слишкомъ хорошо извѣстенъ, это выраженіе либо медленныхъ и вялыхъ процессовъ личнаго и классоваго развитія, либо выраженіе декаданса. Застойныя и вырождающіяся паразитическія группы общества доставляютъ его въ изобиліи. Въ застойныхъ группахъ преобладаетъ типъ болѣе опредѣленный, болѣе выработанный, болѣе уравновѣшенный—«мѣщанинъ», «обыватель»; въ группахъ деградирующихъ картина осложняется дезорганизаціей наличнаго психическаго матеріала, неустойчивостью, неуравновѣшенностью, импульсивностью, только безъ энергіи; зависитъ это отъ того, что матеріалъ жизни, данный предыдущими фазами, оказывается слишкомъ великъ и разнороденъ для слабой организующей тенденціи, порождаемой слабымъ подборомъ. Тутъ передъ нами выступаетъ дряблый, но мечущійся изъ стороны въ сторону въ «исканіяхъ того, чего нѣтъ на свѣтѣ» типъ декадента. Но это уже не типъ развитія, и не типъ равновѣсія, а типъ деградаціи; это нѣчто близкое къ тѣмъ нежизнеспособнымъ комбинаціямъ, на которыя мы указали въ началѣ этого параграфа.

Филистеръ и декадентъ—преобладающія фигуры реакціонныхъ классовъ и теченій.

---

[1]) Передаю мысль Гейне не въ точныхъ его выраженіяхъ, потому что случайно не имѣю подъ рукой книги; но ручаюсь за вѣрность передачи по существу.

VI.

Перейдемъ теперь къ такимъ варіаціямъ, въ основѣ которыхъ лежитъ не равномѣрно-разносторонній, богатый или бѣдный, матеріалъ опыта, а *односторонне-съуженный*, какъ это бываетъ особенно при различныхъ формахъ *спеціализаціи*. Мы имѣемъ въ виду не только спеціализацію техническаго или научнаго труда, но вообще всѣ тѣ случаи, когда по какимъ бы то ни было причинамъ область переживанія развертывается неравномѣрно, расширяясь особенно въ сторону одной какой-либо группы взаимно-связанныхъ, до извѣстной степени однородныхъ комплексовъ опыта, соотвѣтственно суживаясь въ другихъ направленіяхъ. Въ этомъ смыслѣ, напр., житель полярной страны окажется односторонне-развитымъ по сравненію съ человѣкомъ изъ умѣреннаго пояса, потому что у перваго непропорціонально большое мѣсто среди жизненнаго матеріала занимаютъ переживанія, связанныя съ «зимой», «холодомъ» и т. д., тогда какъ область переживаній, относящихся къ «лѣту», «теплу» и т. д., соотвѣтственно уменьшена. Указывая это, я имѣю въ виду лишній разъ подчеркнуть *относительный* характеръ тѣхъ понятій, которыя примѣняются въ этомъ анализѣ: никакой абсолютной мѣры для maximum и minimum переживаній, для наибольшей и наименьшей интенсивности психическаго подбора, для широты и узости опыта мы не можемъ пока установить; а когда употребляемъ эти термины, то подразумѣваемъ лишь относительныя величины, и тенденціи, связанныя съ ихъ измѣненіемъ въ ту или другую сторону.

Итакъ, передъ нами психика съ односторонне-развивающимся содержаніемъ, психика, напр., спеціализированнаго мануфактурнаго работника, или ученаго узкаго спеціалиста. Такъ какъ психическій подборъ не создаетъ ничего принципіально новаго, а только обрабатываетъ *данный* ему матеріалъ, то и его работа оказывается здѣсь фактически односторонне-направленной,— въ наибольшей мѣрѣ въ сторону организаціи тѣхъ *спеціальныхъ* переживаній, которыя преобладаютъ въ данной системѣ опыта. Переживанія эти, какъ мы указали, сравнительно однородны и уже съ самаго начала взаимно-близки въ потокѣ опыта, кромѣ того, представлены въ психикѣ съ большой сравнительно полнотой, гораздо менѣе разрозненно, чѣмъ другія сферы опыта; слѣдовательно процессъ организаціи происходитъ здѣсь при наиболѣе

благопріятныхъ условіяхъ, и легко создается относительно стройная и цѣлостная система ассоціацій; на низшихъ ступеняхъ развитія это, главнымъ образомъ, тѣсныя ассоціаціи по смежности, въ которыхъ выражается такъ называемое «непосредственное» ознакомленіе психики съ данной областью опыта; на болѣе высокихъ ступеняхъ — прогрессивный рядъ ассоціацій по сходству и различію (формъ обобщенія и различенія), такъ назыв. «систематическое» познаніе данной области, которое можетъ оказаться въ большей или меньшей степени «монистичнымъ», т.-е. законченно-объединеннымъ. Но все это только въ данной «спеціальной» области опыта; а въ другихъ не то.

Тамъ содержаніе опыта болѣе бѣдно и болѣе отрывочно; тамъ организующая тенденція находитъ для себя гораздо менѣе благопріятныя условія. Поэтому, если интенсивность психическаго подбора, особенно отрицательнаго, вообще не очень велика, то за предѣлами «спеціальности» господствуетъ безсвязность и эклектизмъ, что сближаетъ этотъ типъ съ «филистерскимъ». Особенно ясно выступаетъ такая черта въ представителяхъ «гелертерства» и «книгоѣдства», которые, живя довольно интенсивной жизнью въ одной узкой сферѣ, во всѣхъ остальныхъ поражаютъ блѣдностью и безцвѣтностью своей психики, и дѣтскостью формъ мышленія.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда психическій подборъ особенно интенсивенъ, а слѣдовательно организующая тенденція особенно сильна, дѣло происходитъ иначе. Тогда развитіе въ монистическомъ направленіи совершается, несмотря ни на что, но въ особой формѣ. Переживанія, относящіяся къ сферѣ «спеціализаціи» тогда, конечно, хорошо организованы, координированы въ стройную систему ассоціацій. Но, играя преобладающую роль въ данной области, переживанія эти проходятъ черезъ большую часть полей сознанія, при чемъ встрѣчаются съ переживаніями другихъ областей, сравнительно мало систематизированными. Такія встрѣчи при интенсивномъ психическомъ подборѣ ведутъ къ образованію болѣе или менѣе прочныхъ ассоціативныхъ связей между тѣми и другими переживаніями. Вначалѣ это, разумѣется, ассоціаціи только по смежности; но психическій подборъ, устраняя дисгармоничные и противорѣчивые элементы изъ комплексовъ, входящихъ въ такія ассоціаціи, преобразуетъ ихъ въ такомъ направленіи, что между ними оказывается все больше соотвѣтствія, и

изъ нихъ получаются уже высшія ассоціаціи—по сходству и затѣмъ по различію. При этомъ болѣе разрозненный матеріалъ изъ самыхъ различныхъ областей опыта, такъ сказать, включается въ сложившіяся, организованныя формы жизненно главной области «спеціальнаго»; психическій подборъ *приспособляетъ* его къ этимъ формамъ, такъ какъ приспособляетъ вообще комплексы опыта одни къ другимъ, а въ данномъ случаѣ, естественно, въ большей мѣрѣ—комплексы менѣе выработанные и опредѣленные къ болѣе выработаннымъ и опредѣленнымъ, чѣмъ обратно. Тогда вся жизнь, весь опытъ довольно монистично представляются и мыслятся въ тѣхъ формахъ, которыя выработаны въ «спеціальной» области.

Примѣры такой организаціи опыта можно встрѣтить на каждомъ шагу. Торговецъ совершенно невольно всю человѣческую жизнь разсматриваетъ со своей специфически-мѣновой точки зрѣнія, такъ что въ каждомъ дѣйствіи человѣка видитъ элементъ расчета на вознагражденіе, въ проявленіи альтруизма—покупку благодарности, въ героической борьбѣ—покупку славы и т. д. И это отнюдь не метафоры только [1]). Іеремія Бентамъ, воспитавшійся въ торговой атмосферѣ развивавшагося капитализма Англіи, дважe систематизировалъ эту «спеціальную» точку зрѣнія, и создалъ цѣлую практическую философію, построенную, въ сущности, на мѣновомъ идеалѣ возможно выгодной сдѣлки съ реальностью жизни.—Точно такъ же работникъ, проводящій все свое трудовое время при машинахъ, естественнымъ образомъ бываетъ склоненъ къ механически-матеріалистическому міровоззрѣнію, которое укладываетъ всякую реальность въ рамки отношеній, однородныхъ съ отношеніями частей механизма, и такова же въ массѣ случаевъ точка зрѣнія инженера, даже капиталиста, который еще близокъ къ своей фабрикѣ и проводитъ значительную часть времени среди своихъ машинъ. Юристъ, спеціальный опытъ котораго организуется въ системѣ принудительныхъ нормъ, обыкновенно и нормы собственно-научнаго познанія—«законы природы»—представляетъ себѣ по типу формъ принужденія, и напр., причинную связь явленій склоненъ пони-

---

1) Систематическое употребленіе метафоръ изъ своей „спеціальной“ области, характерное для всѣхъ „спеціалистовъ“, есть уже само по себѣ выраженіе процесса организаціи всего опыта въ формахъ опыта спеціальнаго. Ибо слово и понятіе нераздѣльны, и метафора вноситъ новую окраску въ то понятіе, къ которому она примѣнена. См. „Философію мысли“, М. Мюллера.

мать, какъ особую принудительную силу, какъ стѣснительную для «свободы» необходимость. Такихъ примѣровъ можно было бы привести сколько угодно; и если не всегда, а только въ рѣдкихъ случаяхъ *все* мышленіе спеціалиста монистически организуется въ формахъ, выработанныхъ его спеціальностью, то нѣкоторый ея «отпечатокъ» оно носитъ всегда во всѣхъ областяхъ; а этотъ отпечатокъ и выражаетъ начальныя степени осуществленія указанной нами тенденціи.

Организація всей суммы личнаго опыта въ формахъ опыта спеціальнаго можетъ иногда оказываться въ высшей степени жизненно-прогрессивной, въ другихъ случаяхъ, напротивъ, регрессивнымъ явленіемъ; но вообще, очевидно, она не въ силахъ дать maximum организованности опыта, а можетъ послужить только ступенью къ этому maximum. Классовое разъединеніе общества означаетъ извѣстную «спеціализацію» опыта въ нашемъ смыслѣ; и потому есть всѣ основанія думать, что ни одно изъ современныхъ классовыхъ міровоззрѣній не будетъ достаточно широко для будущаго не-классоваго общества; но во всякомъ случаѣ міровоззрѣніе будущаго должно возникнуть изъ психологіи наиболѣе прогрессивнаго класса нашего времени, который для своей быстро расширяющейся жизни необходимо долженъ создавать наиболѣе гибкія, наиболѣе пластичныя, наиболѣе способныя къ развитію, формы объединенія опыта.

Что касается характера волевой жизни при условіяхъ спеціализаціи, то здѣсь выводы понятны сами собою. Чѣмъ большей организованностью отличается «спеціальный» опытъ, тѣмъ больше послѣдовательности и цѣльности обнаруживается въ направленіи воли, поскольку она имѣетъ отношеніе къ этой области. Интенсивность же проявленій воли зависитъ и здѣсь отъ общихъ условій психическаго подбора—его энергіи и направленія въ ту или другую сторону. За предѣлами же сферы «спеціальнаго», чѣмъ болѣе опытъ разрозненъ, а мышленіе эклектично, тѣмъ менѣе также единства и связи въ направленіи волевой жизни; вмѣстѣ съ тѣмъ и ея энергія вообще должна быть, сравнительно понижена. Такимъ образомъ въ своей спеціальной дѣятельности человѣкъ иногда проявляетъ величайшую цѣльность воли, достойную истиннаго «іудея»; и здѣсь такая цѣльность, благодаря узкой сферѣ и однородному характеру «спеціальныхъ» переживаній, достигается *особенно легко*, для нея не требуется исключи-

тельно сильнаго дѣйствія отрицательнаго подбора, а въ то же время внѣ спеціальной области человѣкъ оказывается вялымъ и слабымъ, какъ филистеръ. Таковы и были, какъ извѣстно, многіе великіе люди, мелкіе въ своей семейной и вообще частной жизни. Черты «іудея» и черты «филистера» — это и есть тѣ характеристики, къ которымъ всего болѣе тяготѣетъ жизнь «спеціалиста».

VII.

Нашими приведенными иллюстраціями, очевидно, далеко не исчерпываются возможные типы психическаго развитія, но мы и не имѣли въ виду ихъ исчерпывать—мы хотѣли только на примѣрахъ пояснить примѣненіе того метода, который предлагаемъ. Чтобы это примѣненіе могло быть научнымъ, познавательно-полезнымъ, надо ни на минуту не забывать, что всякіе типы развитія, которые мы путемъ даннаго метода устанавливаемъ, суть лишь *предѣльныя абстракціи*, выражаютъ лишь *тенденціи приспособленія*, связанныя съ тѣми или иными варіаціями жизненныхъ условій. Такъ, положимъ, обрисовка типа «эллина» говоритъ намъ слѣдующее: чѣмъ въ большей мѣрѣ богатство психическаго матеріала соединяется съ интенсивной жизнью «чувства», въ которой при этомъ радость и счастіе господствуютъ надъ страданіемъ и горемъ, тѣмъ въ большей мѣрѣ развитіе психики вырабатываетъ въ ней такія-то и такія-то черты: живое творчество, съ преобладаніемъ фантазіи надъ «реализмомъ», благодушно-эклектическая окраска міровоззрѣнія, воля активная, но не устойчивая въ своемъ направленіи, и т. д., и т. д. Пользуясь такими формулами, мы можемъ шагъ за шагомъ анализировать конкретные жизненные типы, какіе находимъ въ дѣйствительности и въ искусствѣ; и одна уже ихъ «конкретность» ручается намъ за то, что они не совпадутъ съ нашими «чистыми» типами, которые получаются путемъ «абстракціи».

Во всякомъ конкретномъ типѣ встрѣчаются и взаимно перекрещиваются *различныя* тенденціи развитія, выражаемыя типами абстрактными, потому что *идеально-простыя условія* никогда не находятъ себѣ мѣста въ «дѣйствительности», но только — въ «отвлекающей» и «анализирующей» дѣятельности познающаго. Задача психо-генетическаго «объясненія» того или иного «конкретнаго» типа заключается именно въ томъ, чтобы путемъ ана-

лиза объективныхъ условій его развитія установить связь и соотношеніе различныхъ тенденцій психическаго развитія, необходимо вытекающихъ изъ даннаго сочетанія условій.

Намъ слѣдуетъ иллюстрировать свою точку зрѣнія, но недостатокъ мѣста заставляетъ насъ ограничиться только однимъ примѣромъ, и мы избираемъ такой, который по содержательности можетъ замѣнить множество ихъ: психологія шекспировскаго Гамлета.

Что такое Гамлетъ? Прежде всего, не подлежитъ сомнѣнію, что это индивидуальность чрезвычайно высокаго типа. Судьба дала Гамлету оба основныя условія для достиженія maximum жизни: громадное богатство первичнаго психическаго матеріала, въ видѣ массы разнообразныхъ впечатлѣній дѣтства, проведеннаго въ блестящей обстановкѣ двора, и юности, весело и содержательно прожитой въ студенческихъ странствованіяхъ по Германіи и научныхъ занятіяхъ; а вмѣстѣ съ тѣмъ чуткую и впечатлительную натуру, глубоко воспринимающую все, что приноситъ опытъ, интенсивно-эмоціональную, способную къ высшимъ наслажденіямъ и къ сильнымъ страданіямъ. Но до самаго начала трагедіи страданій было очень мало, а счастія очень много: любовь родителей, любовь женщинъ, веселые товарищи, общее уваженіе и поклоненіе, много даже лести, наконецъ, полная свобода развитія, цѣлый міръ интеллектуальныхъ и эстетическихъ наслажденій. Ясно, что изъ Гамлета долженъ былъ выработаться настоящій «эллинъ»—тонкая артистическая натура, полная творчества и блеска, но и съ неизбѣжными недостатками артистическихъ натуръ. Недостатки эти мы знаемъ, они вытекаютъ изъ слабости отрицательнаго подбора, могучая гармонизирующая сила котораго въ образѣ страданія здѣсь слишкомъ рѣдко вмѣшивается въ психическое развитіе, слишкомъ неполно его контролируетъ. Въ Гамлетѣ мало суроваго реализма, — порожденія собственной психической работы часто заслоняютъ отъ него дѣйствительность; ему не хватаетъ цѣльности — въ немъ много благодушнаго эклектизма, соотвѣтственно этому волѣ его не хватаетъ устойчивости, неуклонности, единства направленія.

Что у Гамлета есть всѣ положительныя черты артистической натуры, это врядъ ли надо доказывать — столько живыхъ образовъ, столько блеска въ его рѣчахъ даже при самыхъ невеселыхъ обстоятельствахъ. А на отрицательныхъ чертахъ «эллинскаго»

типа построена, въ сущности, вся трагедія. Только недостаткомъ твердаго и трезваго реализма можно объяснить сомнѣнія и колебанія Гамлета относительно самаго факта преступленія, тогда какъ очевидныя доказательства налицо. Онъ не можетъ не вѣрить имъ, когда они прямо и рѣзко вступаютъ въ поле его сознанія; но чуть впечатлѣніе сгладилось — его живая фантазія впутывается въ дѣло и услужливо создаетъ и подбираетъ новые образы и комбинаціи, болѣе утѣшительные, и при помощи разныхъ «можетъ быть» затуманиваетъ и подвергаетъ сомнѣнію то, что слишкомъ мрачно, но также—увы!—слишкомъ реально. И эклектизмъ Гамлета, недостатокъ цѣльности въ его взглядѣ на вещи сказывается на каждомъ шагу въ быстрой смѣнѣ одной точки зрѣнія другою, въ сущности, съ ней несовмѣстимою. А неустойчивость направленія воли, отсутствіе практической послѣдовательности и неуклонности — вѣдь это и есть та черта, которая обозначается нарицательнымъ именемъ «гамлета».

Хотя въ эллинской натурѣ и недостаточно монизма, но все же въ ней нѣтъ и хаоса. Организующая тенденція въ ней не такъ сильна, какъ тенденція къ полнотѣ жизни; но все же и первая отнюдь не ничтожна. Отрицательный подборъ неизбѣженъ въ жизни; страданія есть и у самаго счастливаго человѣка, и ихъ вовсе не такъ мало. Страданія органическаго развитія, неясныхъ и неудовлетворенныхъ порывовъ, боль разлуки съ близкими—все это было въ жизни Гамлета. Были и физическія страданія: вѣдь, судя по характеристикѣ, которую даетъ королева его физической организаціи, эта послѣдняя хотя и очень сильна, однако далеко не вполнѣ гармонична. Наконецъ, Гамлетъ много работалъ; а трудъ, какъ затрата энергіи, эквивалентенъ страданію, и обусловливаетъ отрицательный подборъ[1]). Поэтому монистическая тенденція хотя и не довела психику Гамлета до полнаго единства, однако была достаточна, чтобы организовать ее въ нѣсколько, очень немного основныхъ «единствъ», монистическихъ ассоціативныхъ группировокъ. Насколько можно судить по высказываніямъ Гамлета, такихъ группировокъ всего *двѣ*: его натура страдаетъ «раздвоенностью».

---

1) Отношеніе *труда* къ психическому подбору представляетъ громадный теоретическій и практическій интересъ, и я надѣюсь еще спеціально заняться выясненіемъ этого вопроса впослѣдствіи.

Каково же содержаніе этихъ двухъ конкурирующихъ группировокъ? Гамлетъ, прежде всего, сынъ великаго воина и потомокъ страшныхъ норманнскихъ витязей. Масса впечатлѣній его дѣтства связана съ войной и военной славой; несомнѣнно, что все его домашнее воспитаніе, начиная съ безчисленныхъ разсказовъ о походахъ и подвигахъ, кончая постоянными упражненіями со всякимъ оружіемъ, направлено было именно къ тому, чтобы сдѣлать его воиномъ въ полномъ смыслѣ слова. И юношей онъ не перестаетъ, конечно, интересоваться военнымъ дѣломъ и заниматься всѣмъ, что къ нему относится; онъ, навѣрное, хорошо изучилъ стратегію и всю теорію войны, а по его фехтованью можно судить, насколько ему близка ея практика.— Итакъ, Гамлетъ—воинъ; это одна стороны его психологіи, одна систематическая группировка его переживаній.

Другая сторона: Гамлетъ эстетикъ, артистъ, вѣроятно—поэтъ. Гамлетъ — юноша жилъ полной и свѣтлой жизнью въ сферѣ искусства, красоты, любви. Какое глубокое эстетическое воспитаніе обнаруживается въ его бесѣдѣ съ актерами и въ тонкомъ изяществѣ многихъ его насмѣшливыхъ замѣчаній! Сколько поэзіи должна была внести въ его душевную жизнь юношески-свѣжая, чистая и счастливая любовь къ Офеліи! Гамлетъ-эстетикъ слишкомъ долго жилъ въ атмосферѣ гармоніи, и эта атмосфера стала для него жизненной необходимостью; но гармонія есть дѣло счастія, исключительнаго счастія въ наши суровыя времена,—и подъ ея дыханіемъ вырастаютъ слишкомъ нѣжныя, тепличныя растенія; а когда счастію приходитъ конецъ, печальная судьба предстоитъ нѣжному растенію.

Двѣ личности Гамлета—воинъ и эстетикъ—могли уживаться хорошо, пока борьба, кровавая и безпощадная, существовала для него только въ воображеніи да въ воинскихъ забавахъ: въ представленіяхъ юноши война эстетична, какъ величественное столкновеніе грозныхъ силъ, и Гамлетъ-эстетикъ могъ находить наслажденіе въ воинственныхъ мечтахъ Гамлета-воина, воина пока еще въ возможности, а не въ реальности. Но когда суровую борьбу приходится *переживать*, то эстетикѣ плохо. Получать удары больно, а разрушать чужую жизнь для впечатлительной, тонкой натуры еще больнѣе; и еще если бы тутъ текла одна чистая кровь, эстетику было бы легче,—но кровь смѣшивается съ грязью, а раны чаще всего отвратительны и неопрятны. Тутъ

надо хитрить, подстерегать, обманывать,—а это очень не эстетично. Быть все время въ напряженномъ состояніи, какъ требуетъ борьба, для нѣжной души мучительно: гармонія жизни возможна только тогда, когда за растратой силъ идетъ исцѣляющій отдыхъ, а непрерывное утомленіе убиваетъ всякую гармонію.—Для Гамлета дѣло обстоитъ еще хуже, борьба несетъ для него еще больше противорѣчій, еще сильнѣе обостряетъ разладъ между его боевой и его эстетической личностью: врагами оказываются самые близкіе ему люди: мать, которую онъ обожалъ, и дядя, котораго онъ уважалъ и любилъ. Что можетъ вызвать въ душѣ болѣе мучительную дисгармонію, чѣмъ превращеніе любимаго существа въ объектъ ненависти и отвращенія?

Духъ отца постоянно будитъ въ Гамлетѣ воина, вся обстановка ежеминутно воскрешаетъ въ немъ эстетика. Воинъ хочетъ наносить удары, эстетикъ отступаетъ передъ кровью и грязью. Жажда мести сталкивается съ жаждой гармоніи—въ этомъ смыслъ всей трагедіи; колебанія Гамлета, его непрерывная рефлексія—это долгіе безплодные переговоры между одной его личностью, которая хочетъ борьбы, и другой, которая хочетъ любви и счастія. Первая — личность недоразвитая, потому что *реально* жить жизнью борца Гамлету еще не приходилось; вторая развита вполнѣ, потому что жизнью артиста и любящаго человѣка онъ жилъ въ дѣйствительности и много. Но за первой личностью стоитъ *развивающаяся* дѣйствительность, новыя и новыя воздѣйствія «среды», которыя будятъ въ Гамлетѣ борца; за второй же—только воспоминанія и грезы; первую выдвигаетъ «объективный» ходъ вещей, вторую—поддерживаютъ «субъективныя» желанія и стремленія. Гамлетъ-эстетикъ во всякомъ случаѣ долженъ погибнуть или потерять свою самостоятельность; вопросъ въ томъ, уцѣлѣетъ ли Гамлетъ-боецъ.

И тутъ передъ нами выступаетъ въ полномъ своемъ выраженіи великая гармонизирующая сила страданія. Для такой натуры, какъ Гамлетъ, душевныя муки—это тяжелый, но благодѣтельный молотъ, который выковываетъ душу въ новыя, высшія формы. Отрицательный подборъ, который уничтожаетъ или разлагаетъ всякую непрочную, ирреальную или дисгармоническую комбинацію, освобождая мѣсто для комбинацій, имѣющихъ прочныя реальныя основы и жизненно-гармоничныхъ, которыя онъ не въ силахъ разрушить, отрицательный подборъ вноситъ въ психику

Гамлета то, чего ей не доставало: строгую реально-монистическую тенденцію. Вѣдь недостатокъ цѣльности въ организаціи эллина и чрезмѣрно-большая роль фантазіи зависятъ именно отъ того, что счастіе и положительный подборъ слишкомъ сильно преобладаютъ надъ страданіемъ и отрицательнымъ подборомъ; трагедія, протекающая въ душѣ Гамлета, устраняетъ *эту* неравномѣрность, и тѣмъ самымъ создаетъ условія для перехода эллинскаго типа въ еще болѣе высокій, тотъ, который мы назвали «идеальнымъ». Герой шагъ за шагомъ на глазахъ зрителя становится другимъ человѣкомъ.

Разрушеніе старыхъ координацій въ психикѣ Гамлета идетъ, благодаря его ужаснымъ страданіямъ, такъ быстро, что образованіе новыхъ не поспѣваетъ за нимъ, и наступаетъ даже періодъ временной дезорганизаціи — душевная болѣзнь Гамлета, гораздо менѣе «притворная», чѣмъ онъ самъ, повидимому, полагалъ. Но могучая душа выживаетъ — и въ концѣ пьесы передъ нами выпрямляется во весь ростъ Гамлетъ-боецъ, спокойный и рѣшительный, съ яснымъ взглядомъ и твердой волей. Что же стало съ Гамлетомъ-эстетикомъ? Онъ не умеръ, онъ органически слился съ другой душой Гамлета. Жажда гармоніи въ жизни нашла себѣ новый выходъ, она внутренно преобразовалась: изъ пассивнаго желанія *жить* среди гармоніи она перешла въ активную волю *создать* гармонію въ жизни, наказавши преступленіе и возстановивши справедливость. Сознательный боецъ за право и справедливость—это и есть активный эстетикъ, стремящійся къ жизненной гармоніи въ человѣческихъ отношеніяхъ. Теперь психика Гамлета чужда всякаго дуализма, и воля не ослабляется внутренней борьбой. Онъ уже не сокрушается о томъ, что именно ему приходится возстановлять «разрушенную связь вещей»: онъ твердымъ шагомъ идетъ къ разрѣшенію этой задачи, достойной истиннаго воина и истиннаго эстетика.

Гамлетъ гибнетъ, но гибнетъ какъ побѣдитель, выполнивъ свое дѣло. Гибнетъ онъ, конечно, не случайно, а именно потому, что за время его внутренней борьбы, которая не давала ему цѣлесообразно вести борьбу внѣшнюю, объективныя условія, условія «среды» сложились въ самую неблагопріятную для него сторону: враги не бездѣйствовали, и пустили въ ходъ всѣ средства. Но Гамлетъ все же сильнѣе—и даже при этихъ условіяхъ онъ увлекаетъ ихъ въ своей гибели; уже умирая, онъ не забы-

ваетъ возстановить послѣднее звено «разрушенной связи», и съ геніальной простотой выполняетъ это, назначая своимъ наслѣдникомъ молодого героя чужой страны, надежнаго и цѣльнаго человѣка—принца Фортинбраса.

Итакъ, вотъ сущность трагедіи: это исторія преобразованія эллинской души въ иную, болѣе законченно-цѣлостную форму силою мучительной борьбы, силою глубокихъ страданій.

Ничего принципіально загадочнаго для нашей точки зрѣнія трагедія Гамлета не представляетъ: она всецѣло соотвѣтствуетъ въ своемъ развитіи законамъ дѣйствія психическаго подбора; она самое авторитетное свидѣтельство въ пользу ихъ познавательной цѣнности.

Изслѣдовать при помощи тѣхъ же принциповъ развитіе всякой иной, болѣе «обыденной» психики, разумѣется, несравненно легче, и это изслѣдованіе—мы глубоко убѣждены—также мало приведетъ насъ къ противорѣчію съ положенной въ его основаніе идеей. Идея психическаго подбора одна въ силахъ дать надежную основу для психо-генетическаго познанія, и сдѣлать психологію въ настоящемъ смыслѣ слова «естественной» и «исторической» наукой.

А. Богдановъ.